

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РУМЫНО-РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЯХ в 1875—1878 годах

М. М. Зальшкин

В Советском Союзе и в Румынской Народной Республике ведется большая работа по изучению русско-румынских революционных связей, изданы многие ценные документальные материалы. Румынские и советские историки опубликовали ряд работ, в которых раскрывается влияние этих связей на развитие революционного движения в Румынии и значение их для русского революционного движения¹.

Одним из важных этапов в развитии румыно-русских революционных связей был период 1875—1878 годов. К этому времени в обстановке обострения классовых противоречий и усиления стихийной борьбы крестьян и рабочих в ряде городов Румынии возникли тайные революционные кружки. В центре внимания их участников были защита интересов румынских народных масс, борьба против эксплуатации и произвола, за свободную и демократическую Румынию. В годы русско-турецкой войны (1877—1878) члены кружков продолжали свою работу.

В середине 70-х годов в Румынии увеличилось число русских политических эмигрантов — представителей различных течений революционного народничества. Многие из них сыграли значительную роль в создании и деятельности тайных кружков и в пропаганде революционных идей. В тот период усилилось влияние передовой русской общественной мысли на развитие демократического движения в Румынии. Русские эмигранты помогли установить и расширить связи между возникшими в Румынии кружками и народническими организациями в России, а также с русской революционной эмиграцией в Швейцарии, Англии, Франции и других европейских странах. В то же время возросло значение Румынии как одного из важных путей ввоза нелегальной литературы в Россию.

В кружках, возникших в Румынии, получили распространение и развитие взгляды революционного демократа и выдающегося деятеля революции 1848 г. Н. Бэлческу. На участников кружков оказали влияние также идеи русских революционеров-демократов 60-х годов. Члены кружков начали знакомиться с некоторыми работами К. Маркса и Ф. Энгельса, но марксистское учение в 1875—1878 гг. еще не получило сколько-нибудь значительного распространения в Румынии. Основные требования румынских революционеров являлись общедемократическими, они имели своей целью решительное изменение существовавших в стране порядков. Однако эти требования нередко страдали существенными недостатками, в кружках сказывалось влияние ошибочных народнических взглядов, члены тайных организаций не понимали еще исторической роли пролетариата

¹ Обзор сборников документов, монографий и научных статей, освещающих различные стороны развития румыно-русских революционных связей в XIX и XX вв. (опубликованных в Румынской Народной Республике), см. в статье Е. И. Спиваковского «Румыно-русские революционные связи в новой румынской исторической литературе» («История СССР», 1957, № 2).

и не представляли себе полностью действительных путей революционной борьбы. Но в целом их деятельность имела положительное значение для дальнейшего развития освободительного движения в Румынии. Она облегчила последующее распространение в стране идей научного социализма. Кружки сыграли важную роль в развитии румыно-русских революционных связей.

В настоящее время уже проделана значительная работа по исследованию этих связей накануне и во время русско-турецкой войны. Существенный вклад в их изучение внесли видные румынские ученые П. Константи-неску-Яшь и М. Роллер². Советский историк М. П. Мунтян в опубликованной недавно статье привел ряд интересных фактов³. Однако до сих пор разносторонние связи между румынскими и русскими революционерами в 1875—1878 гг. в достаточной степени еще не изучены. Обследование ряда фондов советских государственных архивов позволило выявить документы, проливающие дополнительный свет на данную проблему. Настоящее сообщение, основанное на изучении новых или ранее не полностью использованных материалов, имеет целью осветить некоторые факты, касающиеся главным образом совместной практической деятельности румынских и русских революционеров в 1875—1878 годах.



Тесная связь между румынскими и русскими революционерами нашла одно из проявлений в совместной работе по транспортировке нелегальных изданий через Румынию в Россию. В делах III отделения и канцелярии министра внутренних дел сохранилось несколько косвенных свидетельств переброски в 1875—1878 гг. различной литературы, преимущественно изданий революционного народничества, через румыно-русскую границу.

Несмотря на все усилия, жандармам продолжительное время не удалось задержать почти ни одного из организаторов транспортировки нелегальных изданий. Захваченные ими люди большей частью были местными крестьянами, подчас не осведомленными о том, что они перевозили. В конце 1875 г. был арестован крестьянин села Костуляны, Кишиневского уезда, И. Бегма, обвинявшийся в доставке из-за границы контрабандным путем революционной литературы. Ввиду отсутствия достаточных улик Бегме удалось избежать строгого наказания, но за ним был установлен в начале 1877 г. гласный полицейский надзор⁴. Арестованный в 1876 г. по такому же обвинению крестьянин Кишиневского уезда Т. Драган после освобождения из тюрьмы длительное время находился под наблюдением полиции⁵.

В сентябре 1877 г. в связи с закончившимся расследованием еще одного дела «о провозе через реку Прут книг преступного содержания» были высланы из Бессарабской губернии мещанин города Кишинева М. Болди-

² См. «История СССР», 1957, № 2, стр. 183—185.

³ М. П. Мунтян. К вопросу об участии бессарабских народников в революционном движении России в 60—70-х годах XIX в. «Ученые записки» Кишиневского государственного университета. Т. XXXIII. Кишинев. 1958.

⁴ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1282, оп. 1, д. 394, л. 4. И. Бегма по поручению Н. Г. Кулябко-Корещкого, специально занимавшегося в то время транспортированием народнической литературы в Россию, перевез через границу номера издававшейся в Женеве бакунистской газеты «Работник» (см. «Деятели революционного движения в России». Библиографический словарь. Т. II, вып. 1. М. 1929, стр. 94; вып. 2. М. 1930, стр. 713).

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 370, л. 9; Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 109, оп. 164, III отд., 3 эксп., 1879 г., д. 271, ч. 1, л. 21. Среди перевезенной Драганом литературы было обнаружено, в частности, несколько экземпляров известного в то время народнического издания — книги «Сытые и голодные» (см. ЦГИАМ, ф. 109, оп. 159, III отд., 3 эксп., 1874 г., д. 144, ч. 19, т. 1, л. 175).

шор, сын священника И. Монак и заштатный пономарь В. Брага⁷. Осенью 1878 г. возле села Солтанешты, Кишиневского уезда, местным пастухом были случайно обнаружены зарытые в придорожном кустарнике тюки с книгами. В результате следствия выяснилось, что тюки спрятали крестьяне села Грозешты В. Ганган, Г. Варфоломей и В. Булгак, которые должны были затем доставить их в село Ниспорены учителю Волчанецкого народного училища Ф. Кодряну, скрывшему от них свое настоящее имя⁸. Пока жандармам удалось установить подлинное имя получателя задержанных книг, Ф. Кодряну успел уехать в Румынию⁹.

Хорошая организация и строгая конспирация позволяли перевозить через границу значительные партии книг, брошюр и периодических изданий. Так, весной 1876 г. из Унгенской таможни была отправлена в III отделение одна из немногих задержанных и конфискованных партий литературы, которая состояла из следующих народнических изданий: газета «Вперед» №№ 15—18 за 1875 г.— 891 экземпляр, неперIODическое обозрение «Вперед» — 64 экземпляра, «Рассказы бывалого человека» — 1 199 экземпляров, «Фальшивые монетчики, или агенты русского правительства» — 95 экземпляров¹⁰.

Непрерывное поступление через румыно-русскую границу запрещенных цензурой изданий вызывало беспокойство царского правительства, усиливавшееся в связи с тем, что на юге России, главным образом в Бессарабии, накануне войны против Турции были размещены значительные контингенты войск. Начальник штаба сосредоточенной на юге армии Непокойчицкий направил 20 декабря 1876 г. командирам подчиненных ему

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 391, л. 1. Из обвиняемых по этому делу особенное внимание привлекает В. Брага. В 1879 г. в списке лиц, подлежащих высылке из Бессарабской губернии, упоминался сын пономаря П. Брага, недавно вернувшийся из Олонецкой губернии, куда он был сослан «за содействие семинаристу Константину Поповичу провозить из-за границы запрещенные книги». На основании этих сведений можно предположить, что В. Брага и П. Брага — люди, находившиеся в близких родственных отношениях (см. также «Деятели революционного движения в России». Т. II, вып. 1, стр. 141). П. Брага обвинялся в том, что он часто «разъезжал к границе, в Кишинев и другие места, обращаясь в среде подозрительных личностей, вербовал молодых людей в среду социалистов, возбуждая неудовольствие в низшем классе... населения. Был близок и дружен с бывшими семинаристами Поповичем и народным учителем Кодряном, занимавшимся пропагандой и скрывшимися в Молдавию» (в Румынию. — М. З.) (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 164, III отд., 3 эксп., 1879 г., д. 271, ч. 1, л. 54; ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 508, л. 9). С ними был близко знаком и В. Брага. По показанию одного из свидетелей, проживавшего в селе на берегу Прута, зимой 1878 г. к нему приезжал Кодряну, чтобы узнать о местонахождении сосланного «дьячка Браги» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 358, лл. 21—22). На основании показаний того же свидетеля по другому делу известно, что П. Брага, вернувшись из ссылки, предлагал ему «доставить социальные книги и просил принять у себя Поповича и Кодряна, как единомышленников...» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 164, III отд., 3 эксп., 1879 г., д. 271, ч. 1, л. 54; ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 508, л. 9). Интересно, что К. Попович (конспиративное имя — «Глухой») по приезде в Румынию пытался использовать в качестве официального документа имевшееся у него свидетельство о рождении, выданное на имя Браги («Documente privind istoria României. Războiul pentru independență. Vol. I, partea I-a (в дальнейшем Documente. Vol. I, part 1.). Editura Academiei RPR. București. 1954, p. 553, 625. Письма Н. П. Зубку-Кодряну к Н. К. Русселю от 15 и 25 августа 1877 г.).

⁸ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 358, лл. 4, 7, 8, 18.

⁹ В письме, отправленном из Галаца 26 августа 1879 г. в Бессарабское губернское жандармское управление, Ф. Кодряну писал: «Считаю долгом известить вас, что я благополучно выбрался от вас и ускользнул от ваших лап, обогранных кровью лучших русских людей, составляющих надежду России» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 358, л. 11).

¹⁰ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 159, III отд., 3 эксп., 1874 г., д. 144, ч. 19, т. 1, л. 133. Другая, случайно обнаруженная партия литературы включала издававшийся во Львове журнал демократического направления «Громадський друг» — 195 экземпляров, сборник рассказов И. Франко («Письма Ивана Франка», т. 2, «Борислав. Картины з життя підгірського народа». Львів. 1877) — 46 экземпляров, «Турки внутренние и внешние» М. Драгоманова — 283 экземпляра и некоторые другие издания (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 159, III отд., 3 эксп., 1874 г., д. 144, ч. 19, т. 2, л. 115).

войсковых соединений специальный циркуляр, в котором писал: «По дошедшим сведениям, в Яссах существуют склады книг и газет революционного направления. Известно, сверх того, что в последнее время в Петербурге, Москве и во многих губерниях появились в значительном обращении, преимущественно между простым народом, запрещенные, напечатанные за границей издания, которые, как оказалось по дознанию, направляются в Россию через Молдавию». В связи с этим начальник штаба от имени главнокомандующего предостерегал от возможности распространения запрещенных книг среди «нижних чинов»¹¹.

Успешная транспортировка нелегальной литературы в Россию через Румынию стала возможной в значительной степени благодаря содействию со стороны революционных кружков, в состав которых входил ряд русских политических эмигрантов. Члены кружков принимали непосредственное участие в доставке, хранении и перевозке через границу различных изданий, распространявшихся затем в России¹². Часть переправляемых газет и журналов, а также книг (в их числе были и произведения русских революционных демократов) оставалась в Румынии и использовалась для пропаганды внутри страны, прежде всего среди участников образованных здесь кружков.

В период русско-турецкой войны и в первое время после ее окончания эмигрировавшие из России активные участники народного движения и румынские революционеры (Н. П. Зубку-Кодряну, Е. Лупу, К. Доброджану-Геря¹³, Н. К. Судзиловский (Руссель), К. Стаучану и другие) проводили большую работу по распространению поступающих в Румынию нелегальных изданий среди находившихся на ее территории солдат и офицеров русской армии¹⁴.

По свидетельству современников, один из главных способов распространения нелегальной литературы заключался в том, что она в больших количествах направлялась для свободной продажи в книжные магазины

¹¹ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. Военно-ученый архив (ВУА), д. 8153, л. 2. К циркуляру прилагался перечень запрещенных изданий, насчитывавший 82 названия (см. там же, лл. 4—7).

¹² Революционную литературу перевозили из Румынии в Россию, по-видимому, не только через реку Прут, но и морским путем. В 1880 г. III отделению удалось получить сведения о многих русских политических эмигрантах, находившихся в Румынии, и отчасти об их революционной деятельности. Эти сведения были представлены одним из эмигрантов, купившим ценой предательства возможность вернуться в Россию (упоминания и некоторые выдержки из этого документа см. «Каторга и ссылка». 1930, № 2, стр. 122, 136; «Летописи марксизма». Т. IX—X. М.—Л. 1929, стр. 20). Одним из основных путей, по которому в то время запрещенные в России книги переправлялись через границу, стала дельта Дуная. Упомянулось и о другом, ранее существовавшем пути: «Прежде большое количество книг отправлялось в Одессу, Ялту, Николаев на военных пароходах, при помощи матросов, между которыми распространено было чтение подобных книг» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 165, III отд., 3 эксп., 1880 г., д. 222, лл. 38—39). Недаром весной 1879 г. временный одесский генерал-губернатор Тотлебен обращал внимание главного командира Черноморского флота и портов на то, что «значительная часть распространяемых в обществе разных печатных и письменных изданий, газет, листов, брошюр и т. п., всегда преступного и возмутительного содержания, доставляется на пароходах, кораблях и судах...» (Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. 243, д. 9520, л. 1).

¹³ К. Доброджану-Геря, в 80-х годах принимавший участие в организации рабочих кружков и социалистической печати, позднее стал оппортунистом, и его взгляды нанесли серьезный ущерб румынскому революционному движению.

¹⁴ В это время должно было, несомненно, возрасти количество направляемой непосредственно в Румынию нелегальной литературы. Весной 1878 г. в III отделении стало известно о том, что из Женеvy отправлены в Дунайскую армию «тюки с русским революционным журналом «Общее дело»» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 67, л. 6). Несколько позже, по полученным из Австро-Венгрии сведениям, венская полиция «задержала и конфисковала несколько ящиков с брошюрами и русскими социалистическими журналами (преимущественно «Работник»), присланных из Женеvy для отправления в Россию, Польшу и Румынию» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 137, лл. 23—24).

ряда городов Румынии¹⁵. Это подтверждается и архивными материалами. В начале января 1878 г. в Петербург из Бухареста был отправлен один номер издававшейся в Женеве газеты «Общее дело»¹⁶. В III отделение сообщалось, что газета «имеется в г. Бухаресте у книгопродавца Шелеша в значительном количестве экземпляров и раскупается нарасхват русскими...»¹⁷. В Румынии в то время распространялись также журнал «Община»¹⁸ и другие нелегальные издания различных течений революционного народничества, роман Н. Г. Чернышевского «Что делать»¹⁹ и т. п. В упомянутом донесении в III отделение подчеркивалось, что продажа газеты «Общее дело», так же, как «других антиправительственных сочинений», в бухарестских магазинах не случайна и преследует определенную цель²⁰. В конце января 1878 г. шеф жандармов Мезенцов обратился к командующему войсками в тылу Дунайской армии Дрентельну с предложением «своим влиянием устранить подобную продажу русских революционных книг и журналов в пределах Румынии»²¹. Однако продажа нелегальных изданий продолжалась²².

Поступавшие из разных источников сообщения о распространении в войсках революционной литературы вызывали все более серьезную тревогу в русских правящих кругах. Командованию Дунайской армии были направлены соответствующие предписания²³. Между тем в 1877—1878 гг.

¹⁵ См. Замфир Арбу́ре. Опере алесе. Кишинэу. 1957, паж. 359, 363. З. Арборе, видный эмигрант-народник, был в изучаемое время одним из организаторов и непосредственных участников распространения нелегальных изданий. В последующие годы З. Арборе эволюционировал вправо, начал проповедовать буржуазно-националистические идеи и стал редактором официальной румынской газеты.

¹⁶ Газета издавалась с 1877 г. группой русских эмигрантов и имела в основном либеральное направление. На ее страницах публиковалась информация о производе и злоупотреблениях царских властей, о происходивших политических процессах и т. п.

¹⁷ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 67, л. 1. В начале мая 1878 г. находившийся в Бухаресте жандармский полковник Мерклин сообщал начальнику штаба командующего войсками в тылу Дунайской армии, что «Общее дело» распродается книгопродавцами в количестве около 600 номеров...» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 446, л. 78).

¹⁸ В изданной после смерти Н. П. Зубку его биографии упоминалось, что, когда «начала выходить «Община», он деятельно принял за организацию ее распространения среди русской армии, вел сношения с магазинами, где журнал продавался, и, наконец, сделался корреспондентом этого органа» («Николай Петрович Зубку-Кодреану». Биографический очерк. Изд. типографии «Работника» и «Громады». Женева. 1879, стр. 13). В журнале «Община», как известно, была опубликована статья Н. П. Зубку «Румыния».

¹⁹ См. ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 67, л. 38. Не случайно и то, что народнические и другие нелегальные издания появлялись прежде всего в тех городах, где существовали революционные кружки: в Бухаресте, Яссах, Плоешти, — а также в Галаце.

²⁰ Там же, л. 1.

²¹ Там же, л. 2. От осуществления подобного плана пришлось отказаться. Но русским военнослужащим было запрещено посещать книжные магазины, в которых продавались издания бесцензурной печати (см. Замфир Арбу́ре. Опере алесе, паж. 364). В одном из номеров выходившей в Петербурге нелегальной газеты была помещена в то время интересная заметка: «...Нам сообщают из вполне достоверного источника о следующем способе изъятия из обращения за границей запрещенных русских изданий, практикуемом нашим правительством и хорошо характеризующем способности его агентов. В Бухаресте по всем книжным магазинам разгуливают русские жандармы и скупают запрещенные издания...» («Начало». 1878, № 3, стр. 16).

²² Так, в мае 1878 г. полковник Мерклин, вновь сообщая о продаже владельцами бухарестских магазинов газеты «Общее дело», вынужден был признать, что в этом, «конечно, нет возможности им препятствовать...» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 446, л. 78). Наряду с открытой продажей нелегальной литературы началось распространение ее и при содействии русских военных, знакомых с находившимися в Румынии эмигрантами и, по-видимому, сочувствовавших их взглядам (Замфир Арбу́ре. Опере алесе, паж. 364—365).

²³ В начале мая 1878 г. начальник штаба Дунайской армии князь Имеретинский, в свою очередь, разослал секретный циркуляр, в котором сообщалось: «Из-за границы дошли сведения о стараниях революционно-социалистической партии производить преступную пропаганду среди наших войск, находящихся в пределах Турции и Румынии,

Н. П. Зубку-Кодряну и другие революционные деятели старались найти новые возможности для пропаганды в армии, для укрепления связей с русским революционным движением.

Видный революционер-демократ Н. П. Зубку-Кодряну в интересах революционной работы предпринял в начале 1878 г. попытку²⁴ поступить на службу в интендантское управление русской армии, находившееся в г. Питешти²⁵. Последнее удалось в служащих, хорошо знающих русский и румынский языки. Н. П. Зубку выдал себя за «личного почетного гражданина» Зубкова, проживающего в Сербии, в Белграде. Он скрыл, что учился в Медико-хирургической академии, сообщив, будто был студентом Петербургского университета²⁶. Но чиновник, к которому он обратился, не осмелился зачислить Н. П. Зубку на службу без предварительного запроса волостных властей по месту его рождения. Об этом стало известно и в губернском жандармском управлении, а затем и в III отделении. Оттуда последовали подробные разъяснения по поводу прошлой революционной деятельности Зубку²⁷. Он был вынужден скрываться от преследований агентов III отделения, установивших за ним слежку на территории Румынии²⁸.

Царское правительство не только внимательно следило через русских консулов и тайных агентов за деятельностью политических эмигрантов в Румынии, но и прибегало к прямым насильственным действиям по отношению к некоторым из них. Сотрудничество румынских и русских революционеров вызывало серьезные опасения и в румынских правящих кругах. Местные власти оказывали иногда прямое содействие русским жандармам в преследовании политических эмигрантов из России²⁹. Однако репрессивные меры не могли приостановить совместной работы русских политических эмигрантов и румынских революционеров, направленной против гнета царизма в России и антинародных порядков в Румынии.

Революционная агитация в русской армии, находившейся на румынской территории, способствовала распространению передовых, демокра-

и с этой целью посылаются в армию тюки разных воззваний, газет и брошюр» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7223, л. 19 или д. 8153, л. 17). Несколько позднее об этом был специально уведомлен и Дрентельн (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 экзп., 1878 г., д. 446, л. 80). Между тем Александр II, не довольствуясь предписанием военного министра и сообщением шефа жандармов, еще раз лично предупреждал главнокомандующего Дунайской армией Тотлебена: «...я приказал сообщить тебе заграничные сведения об отправлении будто бы в армию нашими русскими эмигрантами разных брошюр и книг революционного содержания для распространения в наших войсках. Прошу убедительно обратить все твое внимание на это обстоятельство...» («Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове». Изд. Военно-исторической комиссии Главного штаба. Вып. III. СПб. 1899, стр. 99).

²⁴ Одним из побудительных мотивов, ускоривших это решение, был, по-видимому, острый недостаток русских денег, необходимых для революционной работы (см. «Documente». Vol. I, part. I, p. 564, 594. Письма Н. П. Зубку-Кодряну к Н. К. Русселю от 4 и 9 февраля 1878 г.).

²⁵ В этом же городе Н. П. Зубку-Кодряну работал в течение нескольких месяцев врачом в госпитале Красного Креста. В начале 1878 г. Н. П. Зубку одновременно занял должность врача в русской хлебопекарне, изготовлявшей сухари для армии («Documente». Vol. I, part. I, p. 599. Письмо Н. П. Зубку-Кодряну к Н. К. Русселю от 27 февраля 1878 г.).

²⁶ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 159, III отд., 3 экзп., 1874 г., д. 144, ч. 322, л. 4. Вместе с тем Н. П. Зубку правильно указал место своего рождения: село Ниспорены, Бессарабской губернии, — и упомянул, что учился в Кишиневской духовной семинарии.

²⁷ Там же, лл. 1—3, 5—6. В специальном отношении на имя Дрентельна отмечалось, что зачисление Зубку на интендантскую службу позволило бы ему, в частности, «провозить в Россию революционного содержания книги казенными пакетами».

²⁸ Н. П. Зубку сам сообщил в письме к Н. К. Русселю от 21 мая 1878 г. о том, что жандармы усиленно им интересуются, и просил в связи с этим не упоминать его фамилии при переписке. О повышенном интересе жандармов к его личности Зубку был предупрежден одним из офицеров русской армии («Documente». Vol. I, part. I, p. 609—610).

²⁹ См. ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 экзп., 1878 г., д. 446, лл. 65, 69.

тических идей среди части солдат и офицеров. Придерживавшиеся прогрессивных взглядов русские военные, среди которых были сторонники решительной борьбы против самодержавия, устанавливали в некоторых случаях контакт с участниками революционных кружков в Румынии. Известно также, что румынские крестьяне в местах расположения отдельных частей Дунайской армии после общения с русскими солдатами и офицерами начинали открыто выражать недовольство своим тяжелым и бесправным положением³⁰.

Многие участники русско-турецкой войны 1877—1878 гг., возвращаясь в Россию, привозили с собой из Румынии различные нелегальные издания³¹. В сентябре 1878 г. в III отделение поступили сведения о том, что «в войсках действующей армии, возвращающихся в пределы России, как у нижних чинов, так в особенности у г.г. офицеров имеются в достаточном количестве экземпляры книги запрещенного содержания заграничной печати, которыми они запаслись, быв за Дунаем и в Румынии»³².

Несмотря на принятые меры, запрещенная литература разными способами перевозилась через границу. Лишь в отдельных случаях властям удавалось ее конфисковать. Так, еще в январе 1878 г. при таможенном досмотре у прапорщика Левитского были отобраны изданный в Лейпциге сборник запрещенных в царской России стихотворений Рыльева и некоторые другие книги. Обвиненный в провозе «недозволенных сочинений» прапорщик разъяснил, что «книги эти приобретены им в Бухаресте, где, а равно и в Плоештах, они открыто в книжных магазинах продаются...»³³. Среди нелегальных изданий, которые русские военные имели возможность приобрести в Румынии и которые привозились затем в Россию, был и роман Н. Г. Чернышевского «Что делать»³⁴.

Румыно-русские революционные связи, усилившиеся накануне и во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., продолжали в дальнейшем укрепляться. Период 1875—1878 гг. явился лишь определенным этапом в их развитии. Нет сомнения, что румынские и советские историки продолжат работу по изучению революционного сотрудничества передовых представителей русского и румынского народов.

³⁰ Возможно, что кое-где такие факты явились результатом соответствующих бесед с местным населением. Известные основания для такого предположения дают, например, материалы дела по обвинению унтер-офицера И. Боднаря, намеревавшегося бежать из части, в которой он служил. Боднар, по некоторым сведениям участвовавший в польском восстании 1863 г., во время похода через территорию Румынии, как сообщал в рапорте его непосредственный начальник, «во всех почти селениях, где приходилось останавливаться, часто и много разговаривал с местными жителями... владея хорошо их языком, и собирал вокруг себя кучки народа» (ЦГВИА, ф. 540 (Л), д. 176, л. 5).

³¹ Еще в январе 1878 г. шеф жандармов Мезенцов, основываясь на донесении Мерклина, не только выражал в письме к Дрентельну беспокойство по поводу того, что на территории Румынии «нарасхват раскупаются» различные «противуправительственные сочинения», но и высказывал опасение, что они «при удобстве в настоящее время провоза через станцию Унгены легко могут в большом количестве появиться и внутри России» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 67, л. 2). В августе 1878 г. Александр II лично предупреждал Тотлебена: «Еще раз обращаю твое внимание на революционную пропаганду наших заграничных эмигрантов. Надеюсь, что все меры будут приняты... чтобы заграничные издания не могли проникнуть в Россию с возвращающимися войсками» («Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны...» Вып. III. СПб. 1899, стр. 150).

³² ЦГИАМ, ф. 109, оп. 163, III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 67, л. 25.

³³ Там же, л. 4.

³⁴ В октябре 1878 г. один из проезжавших через русско-румынскую границу пассажиров, житель Бессарабской губернии, добровольно передал в железнодорожное жандармское отделение приобретенный им в Галаце роман Чернышевского «Что делать», узнав, что книга запрещена в России (там же, л. 38).